

ЕСТЬ ТАКАЯ поговорка: «Живут, как кошка с собакой». Вряд ли кто-нибудь поверит в возможность дружбы этих существ, а вот заслуженный артист Азербайджанской ССР Анатолий Соломонович Фалькович поверил. Больше того: заставил навсегда подружиться своего дота Реду с котом Чернухой. И того, и другого он начал воспитывать с самого их детства.

Скоро Анатолию Соломоновичу привезут обезьяну и попугая.

Да, но к чему все это? Популярный актер—и собака, попугай, кошка. Понять не трудно, если узнать его мнение о том, что является для артиста главным. Ну, конечно, после таланта. Анатолий Соломонович, немного подумав, отвечает:

— Наблюдательность. При этом наблюдательность терпеливая. Вот вы взгляните на Реду. Собака, и все? Ошибаетесь. Умна, понимает порой и взгляд. Ведь это дот. По улице идет с царственным видом. Встречаются собачонки. Тявкают. А Ред и головы не повернет. Ничего не скажешь: сознание силы...

Да, наблюдательность... На нелегком пути к созданию образа она хороший спутник. Вот представьте себе, как трудно актеру, которому нет и тридцати, сыграть роль семидесятишестилетнего старика в пьесе Кнута Гамсуна «В середине века». Сыграть убедительно во всем: и в образе мышления, и в голосе, и в темпе речи, и в походке. Лет десять назад над этим образом работал Анатолий Фалькович. Получалось уже как будто все, но артист не находил удовлетворения: не хватало какого-то штриха, детали. Дело было зимой, Анатолий простудился, и в самом прескверном настроении отпра-

вился в поликлинику, попросив жену к возвращению приготовить чай.

Но, перешагнув порог кабинета и увидев врача, артист забыл обо всем—и о гриппе, и о плохом настроении, и о теплой постели. Перед ним стоял старик лет восьмидесяти, высокий, прямой, как и сам Анатолий. «Он!—сразу почувствовал артист,—это он!».

После приема он два часа сидел в коридоре, ожидая кон-

Наблюдательность и мастерство

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ца работы. Доктор вышел—Анатолий последовал за ним. Старик, несмотря на свои годы, шел пешком. Дождь, сыкошь, ветер—но артист незаметно для врача сопровождал его до самого дома: усваивал походку.

Вернулся промокший, озябший, но жена, Ирина Николаевна Васищева, тоже артистка, по возбужденно счастливому блеску глаз Анатолия поняла: ключ к образу найден. Но любопытнее всего, что грипп, как рукой, сняло на следующее же утро...

Сколько таких поисков, сколько находок было в жизни актера! Князь Тараканов в «Тенях» Салтыкова-Щедрина, Онучкин в «Женитьбе Белугина» Островского, старик-кулак в «Любви на рассвете» Ярослава Галана, Платонов в «Океане» Штейна, Арбенин в лермонтовском «Маскараде», Феликс Дзержинский в «Кремлевских курантах». И всегда

напряженная творческая работа над ролью. И всегда наблюдательность и наблюдательность. Особенно при подготовке спектаклей о жизни Владимира Ильича Ленина. Весь внимание—вот как можно было назвать актера в эти дни, когда он подолгу останавливался у стендов музея Ленина или с благоговением входил в ленинский кабинет в Кремле.

А потом—снова и снова сцена. Снова вдохновенное утверждение идеалов гуманистического искусства прошлого, великих идеалов искусства социалистического реализма. Да разве только на сцене! В годы войны, тогда еще девятнадцатилетним, пришлось ему отстаивать эти идеалы с винтовкой в руках в ожесточенных боях с гитлеровцами, рвавшими на Кавказ. Пришлось скреплять их своей кровью: тяжело раненного артиста-солдата спасли в прифронтовом госпитале.

Может быть, в ту пору с особой силой полюбили Анатолию образы его современников—мужественных, бесстрашно глядящих в лицо правде века. Некоторые полагают, что Анатолий Соломонович Фалькович несколько однообразен. Но, право же, таким «однообразием» можно только гордиться.

Однообразие ли это? «Коллеги»—Максимов, «Двое на скамьях»—Джерри Райан. Разные судьбы. Но есть и общее—честность, недовольство жизнью, прямота суждений, своеобразная «ершистость».

Это общее и передает нам актер. Но если строптивость Максимова безосновательна, идет от временного непонимания ведущих начал нашей жизни, то у Джерри Райана она исходит из несправедливого устройства мира, из гордого нежелания пользоваться теми благами, которых он не заслужил. У Максимова временное недовольство сменяется твердо

обретенной жизненной целеустремленностью. У Джерри Райана, наоборот, временно найденный, но ложный смысл жизни, сменяется уже постоянной неудовлетворенностью: слишком различны два мира, в которых живут герои. И это различие миров передается актерам тем сильнее и убедительней, чем больше подчеркивает он общее в характерах героев.

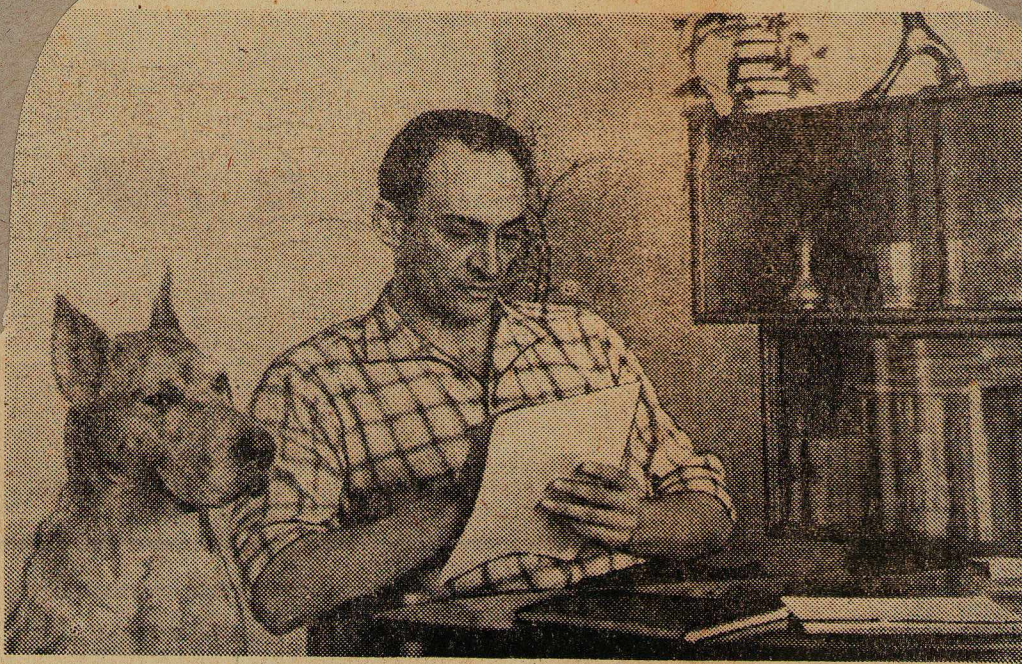
Летом Анатолий Соломонович был в Москве. Ордена Ленина киностудия «Мосфильм» остановила на нем свой взыскательный выбор и пригласила сниматься в роли секретаря райкома партии Владычина в кинофильме «Секретарь райкома» по роману Всеволода Кочетова. А потом—гастроли на Украине, отличные отзывы украинской прессы, аплодисменты жителей Донецка, Киева, Белой Церкви, Козельска...

И вот—новый театральный сезон.

Каждый вечер будет выходить на сцену Анатолий Соломонович Фалькович—выходить, чтобы рассказать нам, бакинцам, о многом—о судьбе героев, о своем отношении к ним, о мыслях и чувствах, возникающих у него, актера.

Эти мысли и чувства ему подсказывает жизнь—жизнь, которую он любит и не перестает изучать.

ЛеоНИД ПЕТРОВ.

Баку

17 ОКТ 1988

220